

какъ это сдѣлалъ графъ, не станеть, конечно, и гимназистъ, хоть сколько-нибудь изучавшій греческій языкъ (къ сожалѣнію, послѣдній и въ гимназіяхъ подвергнуть гоненіямъ!). Не говоримъ уже о томъ, что графскій переводъ стоитъ въ противорѣчій со всѣмъ ходомъ рѣчи евангельской... Но что графу до противорѣчій? Если станемъ «настоящее время» переводить «будущимъ» и наоборотъ,—«совершенный видъ» несовершеннымъ и т. д., смотря по нашему личному желанію, тогда, г. графъ, между оригиналомъ и переводомъ не останется уже рѣшительно ничего общаго, никакихъ точекъ соприкосновенія...

Для спасенія человѣческаго рода Господь пострадалъ отъ нечестивыхъ іудеевъ и вкусилъ крестную смерть.

Толстой никакъ не можетъ уяснить себѣ ни прародительскаго грѣхопаденія, ни его значенія, усвояемаго ему въ христіанствѣ, ни искупительнаго смысла Христовыхъ страданій и смерти крестной... Все ученіе христіанское представляется графу и страннымъ, и бессмысленнымъ, и даже «безнравственнымъ»...

«Что можетъ быть безнравственнѣе того ужаснаго ученія, по которому Богъ, злой и мстительный, наказываетъ всѣхъ людей за грѣхъ Адама и для спасенія ихъ посылаетъ своего сына на землю, зная впередъ, что люди убьютъ его»... (Толст. «Что такое религія»..., стр. 19)? Не привыкшій отступать даже и предъ богохульствомъ и обычно съ легкимъ сердцемъ издѣвающійся надъ всѣмъ, что выше его пониманія, Толстой, какъ видите, вѣренъ себѣ и здѣсь: и «ужасное ученіе», и сверхъ-безнравственное, и «злой, мстительный Богъ», и пр!.. Его не смущали, повидимому, такія обычныя явленія, какъ наслѣдственная—беспорная передача отъ предковъ даже къ отдаленнымъ потомкамъ различнаго рода болѣзненныхъ предрасположеній, даже самыхъ ужасныхъ, заставляющая страдать невинныхъ дѣтей, внуковъ... за грѣхи отцовъ, дѣдовъ и т. д. Онъ не взялъ на себя труда хотя бы немного вдуматься въ раскрытіе христіанскою Церковью догмата объ искупленіи,—подробностей и частныхъ его... Для него—графа—оказалось достаточно лишь одного: разъ онъ не понялъ, хотя и не употребилъ необходимыхъ для разьясненія дѣла средствъ,—и все прочь, все въ сторону, какъ негодное, безнравственное... Не таковы ли, напротивъ, въ данномъ случаѣ его собственные приемы?.. «Ни—одинъ свѣжій, взрослый образованный чловѣкъ»,—видите ли,—«не только не повѣритъ вамъ» (т. е.,